

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА
Український Філософ

[И. Срезневский].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

о

СТАРЦЪ ГРИГОРІЙ СКОВОРОДЪ.

Pro sua cuique parte.

Cicero.

Григорій Скворода ¹⁷²² родился 1726 года
умеръ 1794 года. Жилъ 68 лѣтъ.

«Судьба захотѣла быть Сквородъ мачихой.» — Такъ выразился однажды одинъ изъ безприспрасныхъ почипапелей памяти сего необыкновеннаго чловѣка, философа или богумудра, какъ называли его сограждане, снарца, какъ называлъ онъ самъ себя.

Назначивъ ему, еще девятилѣтнему опроку, жестокій удѣлъ сиротства, она сдѣлала его съ этой ранней поры жалкою игрушкой случая, и съ этой ранней поры, поспавивъ его на поприще самыхъ суровыхъ, самыхъ горькихъ испытаній, заставляла его

пріучається сносити равнодушно всѣ непріятности и утѣшенія, и наконецъ взлелѣла въ немъ то хладнокровіе наблюдателя, шу независимость въ образѣ мыслей, шу спранныю причудливость въ образѣ поступковъ, наконецъ шу постоянную охоту учиться познанію свѣта, спрансивуя, и вѣчно учисься и вѣчно спрансвивовати, кои въ послѣдствіи времени образовали его характеръ, можетъ быть, совершенно прошивно его сложенію, его природнымъ склонностямъ.

Сквозорода ошъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное, слѣдственно и соспрадастельное, и склонное къ любви и дружбѣ; но, росшій и выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ такому состоянію одиночества, — и сердце его должно было проспитъ съ нѣжными чувствами, подпастъ подъ иго меланхоліи, и заглубить, а недовѣрчивость, вскармленная опытами, погасила въ немъ и послѣднюю искру чувствительности, — и судьба наконецъ взяла свое — съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство опчужденія ошъ людей и свѣта, чувство единственное, какое могло питать оно. И могло ли быть иначе? Тотъ только можетъ родниться съ другимъ своими чувствами, чье сердце съ дѣтства привыкло любить родственнымъ любовью, дышать и дѣлаться родственнымъ доверіемъ.

Умъ Сквороды шель пою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжель, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ мрачную бездну миспицизма. Припомъ вспомнимъ время, когда жилъ Скворода: миспики или квієписшы разыгривались погда повсюду въ Германіи, — Скворода побывалъ въ эшой сипранѣ, и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. — Легко понять, опъ чего Скворода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ миспицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, своеобычливый, себялюбивый, гордый — признакъ необходимый ума строптиваго, — въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами, — Скворода могъ по справедливости заслужить это названіе. Онъ жилъ самъ собою, — это всякому покажется чуднымъ.

Скворода жилъ самъ собою, удаляясь всегда опъ людей какъ опъ ближнихъ, зная и изучая ихъ, какъ изучаетъ Еспієспвоиспытатель хищныхъ звѣрей; это правда; но тѣмъ не менѣе онъ желалъ блага человѣчеству. Онъ убѣгалъ людей не потому, что презиралъ ихъ, а можетъ быть, потому, что боялся. — Это видно изъ всѣхъ его

сочиненій, содержащихъ въ себѣ впрочемъ не одинъ только нравоученіе, но часто и жесточайшія сатиры на пороки — и чаще послѣднія. Этого духъ сатиризма — самая разительная черта его характера. Онъ вездѣ находилъ, или лучше сказать, вездѣ старался найдти худую сторону, — и это самое всегда унижало его благородное стремленіе къ пользѣ общей. Но — человекъ неволентъ самъ въ себѣ. И его добродѣтели, и его пороки, и снранности, и образъ мыслей, все въ немъ часто зависигъ отъ обстоятельствъ, все въ немъ такъ шатко, такъ переходчиво! Обстоятельства.... надобно имѣть слишкомъ твердый, слишкомъ самосостоятельный духъ, чтобъ быть въ состояніи прошивустоять ихъ власни. Могъ ли Сковорода мыслишь иначе, нежели какъ онъ мыслилъ, или инымъ взглядомъ смотрѣшь на все, его окружающее! Его жизнь — вопъ гдѣ должно искать основанія всей его философіи, его холоднаго миспицизма, любившаго ушѣшаться ироническими взглядами на самое возвышенное въ природѣ человеческой; жизнь — сѣвленіе бѣдствій и угнѣтеній. И Руссо винилъ человечество, и Руссо глядѣлъ на него такими же глазами. Причины были иѣ же. Вопъ что говорилъ Сковорода самъ о своей жизни: — «Что жизнь? То сонъ Турка, упоеннаго опиумомъ, сонъ спрашный, — и голова

болѣе ошъ него, и сердце спынеть! Чшо жизнь! То спранспіе. Прокладываю себѣ дорогу, не зная, куда идиши, зачѣмъ идиши, — и всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утесами, а буря надъ головою, и негдѣ укрыишься ошъ нея. Но бодрствуй! не предавайся опчаянію. Оно смершннй грѣхъ.» — И Скворода дѣйствительно провелъ всю жизнь свою, какъ спранспіе, — какъ будно осуществля мечту своего воображенія, а лучіе годы своей жизни рѣшиительно путешествовалъ, исходилъ всю Германію, Венгрію, Италію, Грецію, Россію, и возвратился на родину, чшо бы снова блуждать по оной. Даже въ снарости своей, онъ не могъ надолго успокоишь-ся на одномъ мѣстѣ.

Первое изъ его правоучительныхъ сочиненій было: *Нагальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Скворода тогда только чшо возвратился изъ-за границы. Будучи проникнушъ новымъ ученіемъ, онъ желалъ распространить его и на своей родинѣ. Бѣдннй спранникъ, въ рубищѣ, является онъ въ Харьковъ, и опредѣляется Учителемъ въ Коллегіумъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчии. Ему препоручили преподаваніе Богословія. Въ предварительной проповѣди онъ высказалъ нѣкошо-

рые мысли свои, — и напугалъ непрсвѣщен-
ныхъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ,
могли ли они не быть поражены такимъ
громкимъ вспугненьемъ. Выписываю оное сло-
во въ слово: — «Убуждшеся, видѣша славу
Его! Весь міръ спитъ: да еще не такъ
спитъ, како сказано, аще упадешъ—не раз-
бѣшся.... спитъ глубоко, пропавшисъ,
будно ушибенъ опъ нея. А наставники, па-
суція Израиля, не только не пробуживають,
но еще поглаживають, глаголюще: спи, не-
бойсь, мѣсто хорошее, чего опасаться!
Миръ! — И нѣсть мира!» —

Воленіе было готово; но эпо было толь-
ко начало, и скоро все зашихло. — Сковорода
началъ свои уроки, написалъ вышепомянутое
сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, опдалъ
рукопись, — и тогда-то буря возспала на
него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ.
Духовенство съ жадностію читало ее; но
какъ нѣкоторые въ ней мѣста найдены со-
мнительными: то Сковороду осудили на от-
рѣшеніе опъ должності. Конечно, въ семь
случаѣ дѣйствовала болѣе зависть, но какъ
бы то ни было, невѣжество было для нее
очень достаточною подпорой, и оно-то все-
го болѣе оскорбило Сковороду. Назначены
были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ
съ самой дурной стороны, все использовано
въ смыслъ превращеніи; Сковороду обвинили

въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ своихъ противниковъ умно, краснорѣчиво; всѣ тайно восхищались его краснорѣчіемъ, но рѣшеніе осталось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.

Въ краткихъ словахъ я расскажу содержаніе сего сочиненія, столь дорого спойвшаго сочинителю. — Оно состоитъ изъ Предверія и десяти Главъ. Въ Предверіи говорится о различіи между духомъ и плѣмъ, Богомъ и міромъ. Главная мысль, выраженная въ ономъ, есть: — Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ счастье, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть онаго: счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго. — Заключение: — Желаю, дабы душа твоя, какъ Ноева голубица, необрѣвши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы сбылось оное Исаино: будущъ основанія Твои вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здѣшью оградъ, и спеси твои посреди упокоили, — сего желаетъ тебѣ Григорій, сынъ Савы Сковороды. — Глава 1. О Мірѣ видимомъ и невидимомъ, о Богѣ. — Глава 2. О вѣрѣ всеобщей. — Глава 3. О всеобщемъ промыслѣ. — Глава 4. О промыслѣ надъ человекомъ. — Глава 5. Заповѣди. — Глава 6. Объ истинной вѣрѣ. Вѣра, Надежда и Любовь. — Глава 7. Выписываю оную

всю сокращенно: — Вся сила заповѣдей заключается въ одномъ словѣ — Любовь. Она — огонь, воспаляющій сердце волею Божіей, и пошому сама — Богъ. Она имѣетъ свои внѣшніе виды, обряды, кои суть по же, что у плодовъ лисны. Но если въ челоѣкъ она соединитъ только изъ внѣшнихъ обрядовъ, тогда остается одинъ обманъ лицемерія, и челоѣкъ становится раскрашеннымъ гробомъ, гдѣ или ничего, или прахъ мертваго. Обрядъ же — все то, что можетъ исполнять и самый несчастный бездѣльникъ. — Глава 8. Законъ Божій и преданіе. — Глава 9. О справахъ и порокахъ. — Глава 10. О чистосердечіи, какъ основаніи любви, и слѣдовательно Вѣры.

Это сочиненіе и нѣсколько проповѣдей положили основаніе славѣ и уваженію, коими пользовался Сковорода вездѣ, гдѣ его знали. Спрогая добродѣтель и примѣрные правила еще болѣе увеличили оныя. Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Я уже сказалъ, что онъ жилъ самъ собою, и никогда не заботился ни о похвалѣ, ни о порицаніи. Если онъ былъ оскорбленъ сужденіемъ о своемъ сочиненіи, то пошому, что здѣсь спрадало его себялюбіе: онъ не могъ равнодушно сносить, чтобы унижали его умъ, его мысли; но онъ нѣмъ не честолюбіе; по

крайней мѣрѣ, сіе послѣднее въ немъ никогда не выказывалось. Замѣчу : онъ любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ ; кромѣ Славянскаго церковнаго, Русскаго и Украинскаго, онъ зналъ Нѣмецкій, Греческій и Латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Уваженіе къ Сквородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Здѣсь ксшши сказать о его безкорыстіи. Онъ могъ бы сославипь себѣ подарками порядочное состояніе; но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря ; дайше неимущему, и самъ довольствовался только сѣрою свиной, которая была обыкновенною его одеждой. Эта сѣрая свинья, чтобы про-запась, и нѣсколько свишковъ сочиненій, — вошъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши спрансировать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу, и перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя своими неразлучными спутниками : палкой-журавлемъ и флейпой. И то и другое было собственнаго его рукодѣла.

Мнѣ кажется очень страннымъ, какъ Скворода миспикъ и такой холодный, пасмур-

ный миспикъ, могъ любить музыку, — и между пѣмъ музыка была его единственнѣмъ удовольствіемъ. Или это привычка дѣшпва? — Онъ началъ свое музыкальное поприще еще въ домѣ отца своего — *сопилькою*. Тамъ, одѣвшись въ юфпиевое платье, онъ опправлялся съ раннего утра въ рощу или на берегъ рѣчки, и наигрывалъ на ней, какъ говоришь народъ, священные гимны. Мало по малу усовершенствоваль онъ инструментъ свой до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса пшницъ пѣвучихъ, — эти поднебесные спранники были первыми его учителями искусства мусикійскаго. Въ послѣдствіи, когда былъ опредѣленъ ученикомъ въ Кіевскую Семинарію, тамъ замѣтили его прекрасный звучный голосъ, замѣтили его умѣнье управлять имъ и знаніе музыки, взяли его въ пѣвческую, и онъ скоро сдѣлалъ столь удивительные успѣхи, что былъ потребованъ къ Двору Императрицы Елисаветы, гдѣ находился около двухъ лѣтъ. Находясь тамъ, онъ сложилъ песнь для духовной пѣсни: *Иже Херувими*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквяхъ на Украинѣ (*).

(*) Напѣвъ сей духовной пѣсни подъ именемъ: *придворнаго*, помѣщенъ въ сбѣднѣ, по Высочайшему повелѣнію, напечатанной и разосланной по всѣмъ церквямъ для

содѣлались поспояннымъ занятіемъ Сквороды. Онъ не оспавлялъ ихъ и въ спароспи. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, живучи въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного спаричка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, просподушныхъ спариковъ, подобныхъ хозяину. Бывали вечера и музыкальные, и Скворода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ ргімо, и за слабостію голоса, выпячивалъ прудные Solo на своей флейтѣ — такъ называлъ Скворода *сопилку*, имѣ усовершенствованную. Впрочемъ Скворода игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая свою важность, задумчивость и сурезность. Флейта была, какъ я уже сказалъ, неразлучною спутницей Сквороды, — и переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальные фанпазіи и симфоніи.

Рѣдко, очень рѣдко Скворода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ

единообразіи въ Церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Скворода сложилъ веселый и шоржесшвенный напѣвъ: *Христосъ Воскресе*, и Канона Пасхи: *Воскресеніа день* и проч., вылъ употребляемый въ церквяхъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмологнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сквородина*.

Примѣч. Г. О. К — и.

такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый спарецъ, онъ былъ однако застѣнчивъ, и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто нибудь изъ давно-желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣспвіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ Пискуновскаго, старика, любимаго Сквородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной спариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали спарики рассказы и нравоученія спарца, который, выпивши на эппонъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хощя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ, и другой, и ничто не мѣшало воспергу раскрасчика и слушателей. Скворода началъ говорить о своемъ сочиненіи: *Лотова жена*, сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей миспической философіи. Къ сожалѣнію, не могу представить вамъ ни одного опрывка изъ онаго, ибо не имѣю теперь его подъ руками. Скворода расказалъ уже очеркъ; начинающае подробности; — вдругъ дверь съ шумомъ разпворяется, половники хлопающъ, — и молодой Х — ъ, франтъ, не давно изъ столицы,

вбѣгаетъ въ комнату. Скворода при появлении сего новаго незнакомаго и споль ему чуждаго лица, умолкъ внезапно, будпо оглушенный ударомъ грома. — «И пакъ, восклицаетъ Х — ъ: я наконецъ доспигъ шого счастья, кошораго споль долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соопечеспвенника моего, Г. С. Сквороду! Позвольте....» — и подходитъ къ Сквородѣ. Спарецъ нашъ вскакиваетъ, сами собою складывающа крешомъ на груди его косплявыя руки; горькой улыбкой искривляется пощее лице его; черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ невольно изгибаеся, будпо желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и пренепнымъ голосомъ: «Позвольте!... То-же позвольте!» и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ, проситъ, умоляетъ — нѣтъ! — «Съ меня смѣются,» — говоритъ Скворода, — и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х — а. — Свиданіе Сквороды съ Вернешомъ, другимъ чудакомъ Украины, было инаково; но это пошому, что Скворода былъ слышанъ о Вернешѣ, какъ о чловеѣ добромъ и просподушномъ. Скворода ожидалъ увидѣть въ немъ что нибудъ похожее на себя, шолько молодое, и ошибаясь, не могъ смолчать, и назвалъ Вернеша *жескилѣ башмаколѣ*. Вошъ на чѣмъ основы-

вається и несправедливосп̃ сужденій сего послѣдняго о Сковородѣ. У всякаго ест̃ свое самолюбіе, своя лесп̃.

Говоря о бесѣдахъ, гдѣ проводилъ время Сковорода, не могу умолчать о порокахъ, въ коемъ его порицають совершенно безъ всякаго основанія. Сковорода былъ пьяница! Вопс̃ что говоришь клевета, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, избобрѣшаешь и печатаешь письмо, будпо имъ писанное, восклицая: «боченочки, боченочки!» — По сказанію всѣхъ, знавшихъ лично Сковороду, онъ почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ, да едва ли кто и говорилъ когда этому прошивное, исключая Издашелей Украинскаго Вѣспника (*). Сковорода вообще опличался особенною умѣренностію какъ въ

(*) Никто, даже изъ завистниковъ его, никогда не говорилъ, что Сковорода былъ пьяница, и Издашели Украинскаго Вѣспника не утверждали сего, а при случаѣ указали на противорѣчіе. Написавшій статью о Сковородѣ помещенную въ томъ Журналѣ, приложилъ письма его къ Урючину, въ коихъ Сковорода, благодаря за присланные *ботеноски*, осушивъ ихъ, возвращаетъ и проситъ о напоевѣ и присылѣ своего; потомъ чрезъ нѣсколько страницъ утверждаетъ, что онъ не употреблялъ горячихъ напитковъ, по при семъ случаѣ Издашели У. В. напоминали только о содержаніи предшествовавшихъ писемъ выраженіемъ: „А боченочки, боченочки?“ —

нищѣ, такъ и въ питіи. Онъ былъ настоя- щій постникъ. Приномъ, еслибъ онъ имѣлъ порокъ, въ коемъ его обвиняють, то за- служилъ-ли бы онъ въ народѣ такое безпре- дѣльное уваженіе, которое сохранилось и до- селѣ. Народъ чинитъ память добродѣтельного старца, даже почитаетъ его за человека просвѣщеннаго духомъ Божиимъ.

Кто изъ Украинцовъ не знаетъ, по край- ней мѣрѣ, не слыхать о слѣпцахъ, т. е. пѣхъ нищихъ слѣпыхъ, кои, въ сопровож- деніи малютокъ, родныхъ или наемныхъ, хо- дящихъ изъ двора во дворъ и подъ окнами напѣвають священные пѣсни? Это Украин- скіе рапсодисы. Большая часть пѣсней, кои поются ими, суть сочиненія Сковороды. Народъ называетъ пѣсни сіи *Псалмами*. Думаю, что угрожу любопытству нѣкопо-

Впрочемъ и самъ Г. С., написавшій сію статью о Ско- вородѣ, въ семъ мѣстѣ противорѣчитъ сказанному имъ выше, что Сковорода, выпивши на этотъ разъ лишнюю рюмку вина и проч. Слѣдовательно, хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію: въ дружескихъ и пріятель- скихъ собраніяхъ, поддерживавъ и одушевлявъ бесѣды употребленіемъ — не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ Крымскихъ и Волошскихъ и слыхомъ не было слышно, а — разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятель- скихъ.

Примѣч. Г. Θ. К — и.

рыхъ, переписавши здѣсь одинъ изъ сихъ Псалмовъ, который болѣе другихъ любимъ народомъ, и чаще другихъ поется *сѣвцами*. Выписываю подлинникъ изъ собранія сочиненій Сковороды.

I.

Всякому городу правъ и права;
Всяка имѣешь свой умъ голова;
Всякому сердцу своя естъ любовь;
Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только неидесть съ ума,
Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

II.

Петръ для чиновъ углы паньскіи прешъ;
Федька купецъ при аршинѣ все лжешъ;
Тотъ спроеишь домъ свой на новый манеръ;
Тотъ все въ проценкахъ: пожалуй повѣрь.

А мнѣ — и проч.

III.

Тотъ непрестанно спяжаетъ груиша,
Сей иностранны заводитъ скоша,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ госшей, какъ кабакъ.

А мнѣ — и проч.

IV.

Спроують на свой шонъ Юриспа права;
 Съ диспушь Спудента шерщитъ голова;
 Тѣхъ беспокоитъ Венеринъ Амуръ;
 Всякую голову мучитъ свой дуръ.
 А мнѣ — и проч. и — и А мнѣ

V.

Смерти спрашна замашная коса!
 Ты не щадишь и Царска волоса;
 Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ Царь:
 Все жерешь пакъ, какъ солону пожаръ.
 Кшожь на ея плюешь оспрую спаль?
 Тотъ, чія совѣсь какъ чистый хрусталь!

Теперь, для показанія того, какъ скоро
 и какъ искусно измѣняющся народомъ сочи-
 ненія, любезныя памяти его, перепису эпу
 самую пѣсню изъ своего собранія народныхъ
 Украинскихъ пѣсень. Мимоходомъ замѣчу:—
 Если эша пѣсня, въ продолженіи какихъ ни-
 будь пятидесяти лѣтъ успѣла перемѣнись-
 ся, ошойши ошъ своего первоначальнаго
 вида, шо чпо подумаешь о пѣхъ народныхъ
 стихотвореніяхъ, кои сложены за три или
 чешыре вѣка до нашего времени? А

I.

Всякому городу нравъ и права ;

Всяка имѣешь свой умъ голова ;

Всякому сердцу своя есть любовь ;

Всякому люду своей вкусъ хощь каковъ .

А мнѣ — и проч. и мнѣ А

II.

Тотъ непрестанно спяжаетъ грунша ;

Сей со всѣхъ націй заводитъ скоша ;

Ты дома строишь на новый манеръ ;

Деньги съ проценту — пожалуй поверъ .

А мнѣ — и проч.

III.

Петръ для чиновъ углы панскіи претъ ;

Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ .

Крутитъ на своей лады приказный права .

Съ диспушъ студенту тершитъ голова .

А мнѣ — и проч.

IV.

Тотъ на картинахъ малюетъ собакъ ;

Въ шлѣхъ опѣ гостей домъ шумитъ, какъ кабакъ ;

Сихъ безпокоитъ невѣрный Гамуръ .

Всякую голову мучитъ своей дуръ .

А мнѣ — и проч.

V.

(5) ~~Вот~~
 Тотъ на прекрасной женился женѣ;
 Въ тѣхъ дома блещутъ, вѣнчаны такъ, какъ и вы;
 Тѣ шестернями на бенкетъ лезутъ;
 Въ сѣдѣ для гостей чай и пунши кипятъ.
 А мнѣ — и проч.

VI.

(6) ~~Охъ~~
 Тотъ иностранныхъ себѣ лошадей,
 Сей накупилъ драгоценныхъ парчей;
 Въ тѣхъ миллионы режутъ въ сундукахъ;
 Въ тѣхъ горчатъ тысячи въ темныхъ углахъ.
 А мнѣ — и проч.

VII.

(7) ~~Молитва~~
 Попъ ко всенощной до церкви нейдетъ.
 Онъ и безъ церкви всенощну найдетъ.
 Черный съ рогами бѣжитъ какъ мясель,
 Пхнулъ его за запонъ въ бѣлу постель.
 А мнѣ — и проч.

VIII.

(8) ~~Вот~~
 Тотъ у въ перинѣ по уши пурнуетъ,
 Какъ послѣ маковки вшившись заснуетъ.
 Съ теплыхъ перинъ не встаетъ до повднѣ.
 У церкву пойдши ему — что есть бриднѣ.
 А мнѣ — и проч.

IX.

Убо Кашаго старика Сива борода
 Сива въ того старика борода,

Мокра бываешь какъ чопъ завсегда.

Чопъ мнѣ не диво — въ барилъ спремншь,

Разгѣ жъ и онъ все надъ чопомъ лежишь,

А мнѣ — и проч.

X.

Намъ судья дѣлаешь истинный судъ,

А въ его истинѣ жи целый пудъ.

Онъ и на нищихъ раздалъ сто рублей,

Что надралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей.

А мнѣ — и проч.

XI.

Онъ какъ забрался на ту бѣду, честь,

Черезъ свои поклоны, дары и лесть,

Удругъ издѣлался гордъ и спѣсивъ,

Сильно, пріятельно сребролюбивъ.

А мнѣ — и проч.

XII.

Честь, благородство за вѣтромъ лепишь;

Трупъ же смердящій смерть въ яму тащишь;

Все остается его при двору —

Тѣло несущъ на Холодную Гору.

А мнѣ — и проч.

XIII.

Карпники съ рогомъ кишки ирвуть;
 Пѣвчи спѣваючи горло деруть;
 Шляхшичъ за гоноръ и уха лишивсь,
 Швець съ копылами пьючи разгубивсь.

А мнѣ — и проч.

XIV.

2) Ткачь кричитъ горе, шеперь я пропавь!
 Хлосъ мои цевки и берды покравь.
 1) Плачуща горько наибольшее пожаръ:
 Бондарь, кравецъ, маляръ, плотникъ и скляръ.

А мнѣ — и проч.

XV.

Смерщи спрашна замашная коса!
 Ты не щадишь ни чѣмъ волоса.
 Ты не глядишь, де мужикъ, а де Царь!
 Все тси такъ, какъ весною пожаръ!

А мнѣ — и проч.

XVI.

Топъ плюетъ на ея оспрую спаль,
 У кого совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Охъ! мнѣ одна только въ свѣтъ дума,
 Мнѣ все одно только неидеть съ ума,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

Сія Пѣсня вмѣстѣ съ другими (всѣхъ числомъ 27) составляетъ *Садъ Божественныхъ пѣсней старца Г.Сковороды*. Каждая изъ нихъ извлечена изъ особеннаго зерна, ш. е. особеннаго текста съ. Писанія. Всѣ онѣ заключающъ въ себѣ прекрасныя мысли, и если есть въ нихъ недоспашокъ, то конечно въ слогъ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и извипельныхъ. Но и въ семъ отношеніи, надобно брать во вниманіе время, когда жилъ и писалъ Сковорода, образъ воспишанія, какое получили онъ, понятіе того времени о изяществѣ слога и выраженій; наконецъ, что всего важнѣе, самый характеръ Сковороды; — и какъ не спросить ему того недоспадка, въ которомъ онъ не былъ воленъ! Сочиненіе сихъ пѣсень относится почти къ тому же самому времени, какъ и *Натальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Тогда же, или не много позже, были сочинены имъ и Басни, игрушки воображенія, его недоспойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравуученія вспрѣчаются рѣдко.

Но за этими Пѣснями и Баснями послѣдовали такія сочиненія, въ коихъ вполне выказались и философія и дарованія Сковороды. Это были его разговоры, разсужденія, романическія сочиненія, каковы: *Лотова*

*Антограф
Сочиненіе*

жена, Мусеники во имя Христа, Грѣшники; симфоніи, на пр.: Исповѣдь и Покаяніе, Путь къ вѣчности, Мракъ міра, Свѣтъ міра и пр., и множество другихъ. Не лѣзя осматривать безъ вниманія и его писемъ, гдѣ и образъ мыслей его и снранности характера видны лучше, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ, хотя и онѣ написаны также темно, также мисшически, какъ и всѣ прочія сочиненія (*).

Послѣднее время жизни своей прожилъ Скворода въ деревнѣ у Помѣщика К — го. Небольшая кѣлиатка, окнами въ садъ, опдѣленная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ онъ бывалъ въ ней очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Скворода до смерти не переславалъ любить жизнь уединенія.

(*) Здѣсь слѣдуютъ два письма Сквороды къ Священнику Бабаевского прихода Харьковскаго Уѣзда Іакову Правицкому. Но Издатель, по снранной орѳографіи, не нашелъ удобнымъ помѣстить здѣсь оныя. Должно замѣтить, что правописаніе или, правильнѣе сказать, *постаска* *литеръ* въ письмѣ у Сквороды опличалася тѣмъ, что приняшаго вообще правила, что онъ не упошреблялъ вовсе буквы: *ъ*, *ь*; сокращалъ слова, поставляя сверхъ шиплы, словошиплы и другія уменьшенныя буквы. Изд.

ненную и бродячую. — Вотъ что рассказываюшъ о его смерти.

Былъ прекрасный лѣтній день. Къ Помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться; послушать Сквороду — было также въ предмѣсть. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Скворода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда вспали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчiemъ. Скворода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ пропinquамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сквороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу липъевъ. Скворода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму, узкую, длинную — могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ спарцу. — «Пора, другъ, кончить странствіе,» отвѣчалъ Скворода: «и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ испязаній! Пора успокоиться.» — «И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ.» — «Иду; но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будешь моя послѣдняя хранина....» —

И пошли въ домъ ; но Сковорода не надолго въ немъ оспался. Онъ ушелъ въ свою *кѣмнатку* , перемѣнилъ бѣлье , умылся , помолился Богу , и , подложивши подъ голову свипки своихъ сочиненій и сѣрую свипу , легъ , сложивши на крестъ руки ! Долго его ждали къ ужину , — Сковорода не явился. На другой день упромъ къ чаю то же , къ обѣду то же. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату , чтобъ разбудить ; но , Сковорода лежалъ уже холодный , окостенѣлый....

Представляя сіи опривки на судъ вашъ и чипашелей Альманаха вашего , я долженъ извиниться въ незначительности оныхъ. Вы просили — я исполнилъ вашу просьбу какъ могъ. *Quid potui, feci.*

И. С. р. з. к.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1853 , Февр. 11.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Эта спашья , находясь въ числѣ прочихъ въ портфель матеріаловъ для *Утренней Звѣзды* , была разсмотрѣна Г. О. К. Ему я одолженъ и за превосходныя примѣчанія , которыя нынѣ къ ней приложены. Хотя вшорое изъ сихъ примѣчаній , обличая меня въ ошибку , могло послужить къ

поправленію текста; но, почитая поприще литературное чуждымъ мелочныхъ расчешовъ, будучи уврѣнъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо болѣе, нежели гдѣ — *sum cuique tribuere*, я почелъ за лучшее просто сознаться въ винѣ своей, — и, оставя замѣчаніе въ его собственномъ видѣ, ограничиться въ свидѣтельствovanіи моей достодолжной благодарности замѣчашелю, почтившему спашью мою столь лестнымъ для меня вниманіемъ.

И. С. р. з. к.

Харьковъ

21 Мая 1833.

